

УДК 82-95 "19"
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6

С.И. Кормилов

**ОСНОВНЫЕ ВЕХИ
ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
С 1917 ПО 1991 ГОД**

Рассмотрены этапы эволюции литературной критики в России и русском зарубежье после революции 1917 г. вплоть до крушения советской системы. Основное внимание в статье уделено изменениям методологических приоритетов, столкновениям идейных и эстетических позиций, которые занимали наиболее видные (не всегда тем самым лучшие) критики. Выявлены закономерности принципиальных изменений в литературном процессе XX в.

Ключевые слова: *«пролетарский писатель», «попутчик», классовость, народность, «формализм», «социалистический реализм», «шестидесятичество», перестройка.*

Кормилов Сергей Иванович — докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX в. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел.: 8-499-155-96-50
e-mail: profkormilov@mail.ru

© С.И. Кормилов, 2009 г.

Факты истории русской критики после 1917 г. и советской культурной политики даже литературоведам известны мало, а мемуаристы не всегда в этом деле помогают. Например, Э.П. Казанджан среди вех «книжной жизни» 1950–1960-х гг. выделяет, в частности, такие: «1950–1952. Сталин — Жданов. Все определяется сталинскими премиями и ждановскими постановлениями.<...> 1956–1960. Хрущев у власти, но ему пока не до литературы, даже «Живаго» некогда прочесть» [Казанджан, 2008, с. 333]. Однако А.А. Жданов умер в 1948 г., а сталинские постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства выходили до 1952-го. Н.С. Хрущев действительно до пенсии не читал «Доктора Живаго» и тем не менее в покое его автора не оставил, травлю Пастернака в 1958 г. фактически возглавил сам, и уже в 1957 г. он принял активное личное участие в публичной дискредитации чрезвычайно популярных после XX съезда КПСС литераторов — «ревизионистов», создавших первые советские адогматические произведения, вдохновленные разоблачением «культы личности Сталина».

Незнание фактов порождает и непонимание закономерностей эволюции литературы и критики, зачастую непосредственно ее направлявшей. Поэтому необходимо хотя бы конспективно обозначить основные этапы эволюции критики между двумя

революциями — коммунистической 1917 г. и антикоммунистической 1991 г.

В результате октябрьского переворота русская критика, и раньше по преимуществу публицистическая, общественно-активная, в еще гораздо большей степени политизировалась и раскололась на непримиримо враждебные лагеря. Критики разделились на принявших большевистский переворот, не принявших его и подчеркнуто аполитичных. Последние поначалу преобладали. Коммунистическим властям во время Гражданской войны было по большому счету не до литературы и критики, даже общую цензуру (Главлит) они ввели только 6 июня 1922 г. (до того существовала лишь военная цензура), да и печататься как критикам, так и писателям было особенно негде: бумага стала таким же дефицитом, как все остальное.

Зато в 20-е гг. развернулись масштабные критические баталии. К ним подключился сам Л.Д. Троцкий, тогда по популярности второе лицо в правительстве (при неизлечимо больном с 1922 г. Ленине). В 1923 г. он опубликовал и в 1924-м переиздал книгу своих статей «Литература и революция», которая закрепила в общественном сознании такие понятия, как «пролетарский писатель», «крестьянский писатель» и «попутчик», т.е. более или менее сочувствующий революции интеллигент, бывший крестьянин, лицо, происходящее из дворянского, духовного, купеческого сословия и т.д. Впрочем, в «пролетарскую культуру» Троцкий не верил, видел, что культуры-то там как раз и нет¹. Из его теории «перманентной революции» следовало, что

¹ В первом вузовском учебнике по истории критики в России XX в. на основе анализа, по сути, лишь одной полемической статьи Троцкого «Об интеллигенции», написанной в 1912 г. (!), сделан вывод, будто «взгляды Троцкого неадекватны взглядам Ленина и его приверженности хотя бы одной составляющей русской национальной культуры, характеризующейся именами Чернышевского и Плеханова»; «...» если учение Ленина о двух культурах в рамках одной национальной культуры, приложенное не к прошлому, не к истории русской литературы, а к ее настоящему и будущему, привело к уничтожению некоторых, но не всех тенденций культурного развития, то Троцкий отрицает русскую культуру вообще» [Голубков, 2008, с. 47]. В действительности взгляды двух вождей большевиков на культуру практически во всем совпадали, а литературные вкусы Троцкого были гораздо шире вкусов Ленина, впрочем, не претендовавшего на компетентность в этих вопросах. После революции председатель Совнаркома написал одну маленькую литературную рецензию — «Талантливая книжка» (о книге рассказов А.Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции»), дореволюционные же его статьи о Толстом — чистая публицистика без какого-либо анализа произведений; а нарком по военным и морским делам, якобы отрицавший «русскую культуру вообще», посвятил современной литературе толстую книгу. По М.М. Голубкову, генеральный секретарь РАПП Л.Л. Авербах — «любимец Троцкого и его ученик» [Голубков, 2008, с. 46]. В 1938 г. эмигрант Г.В. Адамович писал об упразднении РАПП:

после победы мировой социалистической революции довольно скоро сформируется коммунистическое бесклассовое общество с общечеловеческой культурой в целом западного, личностного типа. Поэтому Троцкий с оговорками поддерживал «попутчиков» вроде С.А. Есенина, Вс.В. Иванова или Б.А. Пильняка, с еще большими оговорками — В.В. Маяковского («По отношению к величайшим явлениям истории он усваивает себе фамиллярный тон. И это в его творчестве и самое невыносимое, и самое опасное. <...> Сатира Маяковского бегла и поверхностна. <...> «Про это» есть возврат к теме личной любви, но представляет собою несколько шагов назад от «Облака», а не вперед» [Троцкий, 1991, с. 120, 124, 125]), однако для него не были приемлемы представители не будущей, а уже существовавшей общечеловеческой культуры, такие как Андрей Белый («самый псевдоним его свидетельствует о его противоположности революции» [Троцкий, 1991, с. 49]) или Анна Ахматова — это все «внеоктябрьская литература». По отношению к писателям-эмигрантам начальственный критик и подавно не жалел словесного яда. Тем не менее благодаря таким большевистским руководителям, как Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский, многим талантливым советским писателям в 20-е гг. было дозволено существовать, не поступаясь талантом и творческой индивидуальностью.

Но в 1927 г. троцкизм, отвергавшийся И.В. Сталиным и его сторонниками, потерпел окончательное политическое поражение не без участия Бухарина. Заодно пострадал недолго примыкавший к троцкистам А.К. Воронский, гораздо более глубокий и широкий критик, чем Троцкий, главный организатор лучших литературных сил в 20-е гг. Пролетарские писатели и критики, объединившиеся в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), торжествовали. Они усилили нападки на многочисленные литературные группировки, нередко разъединявшие объективно близких друг к другу писателей, но и обеспечивавшие своим членам какую-никакую защиту: в кругу единомышленников писатели не чувствовали себя одинокими и бессильными.

«Неорганизованным» поэтам и прозаикам обычно приходилось хуже. Еще в первой половине 20-х гг. из печати была полностью вытеснена А.А. Ахматова, в середине десятилетия — совсем недавно вошедший в литературу М.А. Булгаков, постепенно вытеснялся О.Э. Мандельштам. Булгаков собрал за 10 лет 301 отзыв о своих произведениях. «Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298» [Булгаков, 1989, с. 171]. Вернувшись из эмиграции в 1923 г. А.Н. Толстому довольно крепко доставалось от «пролетариев» как бывшему графу и помещику,

---

«Падение Авербаха (которого, кстати сказать, теперь считают троцкистом, хотя именно Троцкий дал ему характеристику: «юркое ничтожество») вызвало, вероятно, радость искреннюю» [Адамович, 1996, с. 274].

но еще больше — прошедшему при царе через суд Е.И. Замятину как демонстративно «еретическому» писателю (один Ю.Н. Тынянов одобрил в статье 1924 г. «Литературное сегодня» его неопубликованный роман «Мы», и то, соответственно своей методологии, только в плане формы [Тынянов, 1977, с. 156–157]).

Почти полностью подчинивший свой талант утверждению советского строя Маяковский и тот не дождался массового признания, хотя и вступил наконец в РАПП: новые товарищи сочли его чуть ли не диверсантом, противники же рапповцев, включая Воронского и другого ярко талантливую критика-марксиста В.П. Полонского, не находили в стихах бывшего футуриста искренности, преувеличивали их иллюстративность и неестественность. Даже после самоубийства поэта Полонский, благородно взяв на себя одного вину за их былые столкновения, «пролетарским» поэтом Маяковского так и не признал, придумав ему определение «переходник» [Полонский, 1988, с. 240]. Канонизирован Маяковский был лишь в конце 1935 г. Сталиным, которому нужно было поставить на место бывшего своего друга Бухарина, в докладе о поэзии на Первом съезде писателей (1934) назвавшего Маяковского советским «классиком», а из здравствовавших поэтов уделившего наибольшее внимание (но не только в положительном плане!) Б.Л. Пастернаку [Бухарин 1993, с. 243, 250–252]; по сути, была запущена легенда, до сих пор обычно принимаемая на веру, будто Бухарин его выдвинул в лидеры советской поэзии вообще¹.

К 1930 г. рапповцам удалось разгромить практически все литературные организации, которые еще не распались сами собой. Они из-

¹ Так, в упомянутом выше учебнике сказано, что «Бухарин обрушился на Д. Бедного» (в докладе: «Д е м ь я н Б е д н ы й – настоящий пролетарский поэт. (А п л о д и с м е н т ы.) Основным принципом его поэтического творчества является массовость, глубочайшая н а р о д н о с т ь, влияние на миллионы. В этом отношении он занимает в истории советской поэзии совершенно исключительную позицию» [Бухарин, 1993, с. 240]), «холодно отозвался о поэзии В. Маяковского и предложил Б. Пастернаку занять вакансию первого советского поэта, выразителя официальной идеологии. Чуть позже с подобной же просьбой (! – С.К.) к нему обратится по телефону и Сталин; Пастернак откажется. Тогда Сталин спросит, является ли Мандельштам «мастером». Поняв смысл вопроса Сталина – сможет ли Мандельштам играть роль первого советского поэта, Пастернак ответит отрицательно, и в качестве официального советского поэта будет посмертно канонизирован В. Маяковский» [Голубков, 2008, с. 49]. Это чрезвычайно вольное изложение телефонного разговора Сталина с Пастернаком [см.: Соколов 2006, с. 49–65]. Сталин, безусловно, понимал разницу между словами «мастер» и «выразитель официальной идеологии». Ни он, ни Бухарин не могли допустить мысли о выдвижении на роль «официального поэта» не только уже арестованного Мандельштама (в связи с его арестом и состоялся сталинский звонок), но и пока лояльного Пастернака.

менили свою методологию. Сначала они смыкались с литературоведами, пытавшимися освоить марксизм и придававшими определяющее значение классовому происхождению писателей. Школа профессора В.Ф. Переверзева утверждала, что каждый настоящий писатель органически выражает свою классовую «психоидеологию», а если ставит целью выразить чужую — создает лишь ремесленные иллюстративные поделки. *«И как в добролюбовские времена либеральные и радикальные передовицы, переложённые в стихи и рассказы, не были поэзией, так в наши дни остаются вне поэзии всевозможные переложения в стихи и рассказы идей пролетарских»*, — писал Переверзев в журнале «Печать и революция» (1923. Кн. IV) [Переверзев, 1981, с. 102]. Но именно такой по большей части и была «пролетарская литература». Да и пролетариями многие рапповцы были весьма относительными. В качестве образцового пролетарского писателя они выдвигали А.А. Фадеева, отец которого был сельским учителем, бывшим крестьянином, и который, воспитанный отчимом, с одиннадцатилетнего возраста семь лет учился во владивостокском коммерческом училище. К концу 20-х гг. рапповцы поняли, что им не по пути с переверзевцами, и приняли активное участие в их разгроме. Противники вульгарной литературы получили кличку вульгарных социологов. Другая литературоведческая школа — формальная — была осуждена еще раньше. Теперь рапповцы главным считали не классовое происхождение, а теоретическое мировоззрение — марксизм. Границы между политизированной философией и художественным творчеством были стерты. Рапповцы заимствовали из философии термин «метод», придали ему применительно к литературе значение основного содержательного принципа (вместо прежнего значения — «прием», способ художественного выражения) и стали призывать к созданию литературных произведений методом диалектического материализма.

«Пролетарские» писатели и критики слишком зарвались в своем вульгаризаторстве и показались чересчур самостоятельными Сталину, к 1929 г. добившемуся единоличной неограниченной власти. Еще в 1928 г. он впервые заманил в Советский Союз М. Горького, с 1921 г. жившего за границей и подвергавшегося нападкам рапповцев как потатчик интеллигенции, прежде всего писателей-попутчиков (довольно крупный политический деятель и пролетарский критик Лев Сосновский в начале 1923 г. — журнал «На посту». № 1 — назвал свою статью о нем «Бывший Главсокол, ныне Центроуж»). Диктатору хотелось освятить его «культурную политику» авторитетом известнейшего в мире русского писателя. Он и был объявлен, вопреки рапповцам, великим пролетарским писателем. Горький, мечтавший о фундаментальном преобразовании жизни, с детства знакомой ему по ее *«свинцовым мерзостям»*, после довольно долгих колебаний принял на себя роль главы

новой литературы и даже сдружился с некоторыми из рапповцев, попавшими в опалу. Без согласования с ним ЦК ВКП (б) 23 апреля 1932 г. принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», которым ликвидировались РАПП и соответствующие организации других видов искусства, а взамен предписывалось «*объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем <...>*» [О перестройке ..., 1981, с. 135].

Многие писатели с энтузиазмом встретили «отмену раппства» и не обратили внимания на чисто идеологический принцип объединения писателей, которым к тому же отводилась несамостоятельная и второстепенная роль — «*участвовать в социалистическом строительстве*». Новая организация получила официальное название «Союз советских писателей СССР», как бы подчеркивавшее, что в Советском Союзе не все писатели — советские. Впрочем, отбор членов и кандидатов в члены Союза писателей под горьковским руководством проводился не только по идеологическому признаку. Так, его членом стал давно не печатаемый Булгаков, Ахматовой прислали учетную карточку, но она не стала ее заполнять, а вступила в этот Союз только в 1940 г., когда снова начала печататься. Не смутило большинство писателей и то, что основным методом советской литературы в 1932 г. был провозглашен один метод — «социалистический реализм» (формулировка, предложенная Сталиным). Какой-никакой реализм — это было лучше, чем рапповский «художественный метод» диалектического материализма.

С большой помпой прошел в 1934 г. Первый съезд советских писателей [Дементьев, 1966, с. 244 — 258; Эвентов, 1991, с. 360 — 382]. Выступая на нем с докладом «Советская литература», Горький вовсе не подводил итоги семнадцатилетнему пути литературы после революции. Он был устремлен в будущее, утопически надеялся на небывалый расцвет художественной культуры. Вспомнил о народном поэтическом творчестве (фольклоре), в 20-е гг. третиравшемся как отсталое, крестьянское. Принцип классовости, главный в критике 20-х гг., в 30-е должен был уступить свою роль критерию народности. Теперь всячески пропагандировалось не классовое расслоение, а единство советского общества, из которого, правда, могут выпадать отдельные, хотя и весьма многочисленные, «отщепенцы». Формулу «классовый враг» вытесняет другая — «враг народа». Горький, литературоведы и критики, начавшие после Первого съезда разрабатывать подзабытую с дореволюционных времен, третиравшуюся в 20-е гг. категорию народности (кстати, «народность и реализм» позволили реабилитировать классиков XIX в., раньше вызывавших если не активное неприятие, то очень опасливое, настороженное отношение), не догадывались, что они тем самым ра-

ботаю на идеологию тоталитаризма. Ведь для великого вождя все равно, пролетарий ты или бывший граф — это фигуры одинаково незначительные по сравнению с ним. Хотя и они, если правильно себя ведут, заслуживают поощрения, как А.Н. Толстой, догадавшийся уже в 1929 г. приступить к роману о прогрессивном царе-преобразователе Петре Первом. Прогрессивные цари, укреплявшие государство, теперь долго будут в чести, как и недавно шельмовавшийся бывший граф.

Расцвет литературы после съезда писателей не наступил, наоборот, стремительно шла ее деградация. Понявший это Горький, к которому Сталин больше не ездил в гости и на звонки которого не отвечал, 18 июня 1936 г. умер в отчаянии. Прах беспартийного писателя торжественно захоронили в кремлевской стене, лицемерно приравняв его таким образом к большевистским политическим деятелям. Литературоведы же и критики взялись за фальсификацию творчества Горького, как и Маяковского: оба были объявлены основоположниками советской литературы и ее лучшими, безупречными представителями.

В том же 1936 г., еще при жизни Горького, прошла так называемая «дискуссия о формализме» в литературе и искусстве, «дискуссия» с заранее известным концом, спровоцированная партийной печатью. Обвиненные в «формализме», трактуемом как признак буржуазного искусства, или «натурализме» писатели и художники должны были публично каяться. Пока дело ограничивалось этим. Но уже в 1937 — 1939 гг. стали арестовывать и расстреливать. Фамилии репрессированных писателей — О.Э. Мандельштама, П.Н. Васильева, Б.А. Пильняка, В.Я. Зазубрина, И.И. Катаева, Б.П. Корнилова, В.М. Киршона, Артема Веселого, И.Э. Бабеля и многих других, равно как и критиков — А.К. Воронского, А. Лежнева, Д. Мирского, И.М. Беспалова, А.П. Селивановского, бывшего генерального секретаря РАППа Л.Л. Авербаха (немало пролетарских «неистовых ревнителей» 20-х гг. поставили к одной стенке с их, казалось, главным врагом Воронским), — вычеркивались из литературы, как бы предавались вечному забвению. Критика быстро слиняла. Кроважидные статьи на злобу дня (в буквальном смысле!) печатались, но с анализом художественных произведений, откликами на литературные новинки стало плохо. Это оказалось опасным занятием: похвалишь писателя, а его завтра посадят, обругаешь — он на тебя донос напишет. Критики стали уходить в литературоведение, обращаться к творчеству умерших писателей, зарабатывать внутренними рецензиями на рукописи еще не опубликованных произведений. Широко отмечались всевозможные литературные юбилеи. И хотя волна репрессий наконец спала, большинство критиков продолжало избегать своего прямого дела вплоть до смерти Сталина в 1953 г.

Тем более не стало в 30-е гг. таких ярких индивидуальностей, какие были в критике 20-х. Лишь почти совсем выброшенный из литерату-

ры и вынужденно обратившийся к критике А.П. Платонов объективно резко выделялся на общем довольно сером фоне, но его мало кто воспринимал всерьез. А он, даже разбирая роман революционного фанатика Н.А. Островского «Как закалялась сталь» в самом страшном 1937 г., подходил к нему с общечеловеческими критериями. Высоко оценив мужественное подвижничество Павла Корчагина (как нужно было поддерживать в людях мужество!), Платонов похвалил его всего лишь за то, что он стесняется попросить у матери новую рубашку за им же заработанные деньги, нравственно выше его поставил несчастную девушку Христину, с которой тот обошелся «обычно-благородным способом» [Платонов, 1980, с. 66] в исключительной ситуации, и уравнил с его смелым поступком — освобождением Жухрая — импульсивный поступок мальчика Сережи Брузжака (это «*столь же драгоценный человек, что и Корчагин — Островский*» [Платонов, 1980, с. 65]), который попытался во время еврейского погрома спасти от петлюровца убежавшего перепуганного старика, хотя с точки зрения коммунистического мировоззрения эти два поступка далеко не равны: Жухрай — большевик, «новый человек», очень ценный для революции, а какой-то там старик революции совсем ни к чему.

Статья Платонова «Павел Корчагин» напечатана в 10–11-й книге журнала «Литературный критик», вышедшей к 20-летнему юбилею Октября. Там же помещены другие статьи о советских писателях, считавшихся теперь лучшими. Какие изменения произошли с 20-х гг.! Наряду с Горьким, Блоком, Маяковским, Шолоховым здесь фигурировали куда более скромные дарования: Демьян Бедный, А.С. Серафимович, Д.А. Фурманов, А.А. Фадеев, А.С. Новиков-Прибой, А.С. Макаренко. Не было не только Ахматовой или Булгакова, но и Есенина и Пастернака.

В 1940 г. был закончен «Тихий Дон» М.А. Шолохова, смутивший критиков трагическим финалом и, главное, тем, что правдоискатель Григорий Мелехов побывал в банде. Однозначно осудить автора «Поднятой целины», устраивавшего Сталина колхозного романа (книга первая, 1932), они побаивались. После дискуссии поладили на том, что виноват не столько автор «Тихого Дона», сколько герой, ставший «отщепенцем». Эта трактовка лучшего советского романа продержалась десятилетия.

Такого снижения уровня критики (и литературы), как в СССР, не знало русское зарубежье. С середины 20-х гг. сложилась сильная эмигрантская литература, получившая во многом адекватную критику, причем если советская критика о литературе зарубежья довольно скоро совсем перестала писать, будто ее и не было, то эмигранты за советской литературой продолжали внимательно следить. «Русская литература разделена надвое. Обе ее половины еще живут, подверга-

ясь мучительством, разнородным по форме и по причинам, но одинаковым по последствиям», — писал в 1933 г. В.Ф. Ходасевич [Ходасевич, 1996, с. 256]. Но оторванная от родной почвы, испытывающая большие материальные трудности, имеющая очень узкий круг читателей и, следовательно, покупателей, эмигрантская литература была гораздо свободнее советской, хотя и ее раздирали идеологические пристрастия, ведь в изгнании оказались самые разные по убеждениям люди, от демократов всех оттенков и даже сочувствующих советской власти до ультраконсервативных монархистов. Вместе с тем непримиримо к советской литературе были настроены почти ни в чем больше друг на друга не похожие З.Н. Гиппиус, выступавшая еще с начала века под мужским псевдонимом Антон Крайний, И.А. Бунин, В.В. Набоков. Многие писатели старшего поколения ощущали себя находящимися не в изгнании, а в «послании», считали, что выполняют мессианскую роль — сохраняют русскую культуру в эпоху лихолетья, которая, как они сначала надеялись, не должна была слишком затянуться. Поэтому они не думали о преемниках, не обращали внимания на очень трудно входившую в литературу талантливую молодежь. Один из ее представителей, В.С. Варшавский, впоследствии посвятил этому книгу «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956). Исключением были большое внимание Ходасевича к прозе молодого В. Сирина (Набокова), к некоторым начинающим поэтам и покровительство Г.В. Адамовича поэтам так называемой «парижской ноты» (о «парижской ноте» и «монпарнасской скорби» позже писал и В.В. Вейдле — критик, литературовед, искусствовед). Ходасевич полагал, что эмигрантская литература не нашла своего лица, сохранила облик литературы дореволюционной, не стала собственно эмигрантской. Адамович искал новых путей для молодой поэзии, говорил о необходимости преодолеть художественную условность, литературность, формальные ухищрения, выступал за непосредственность и простоту, интимно-дневниковую форму стиха, а вместе с тем осуждал неоклассические тенденции в поэзии, предлагал переориентацию от Пушкина (ни с кем не сравнимого авторитета для Ходасевича) на Лермонтова, на отражение кризисного состояния личности и мира. Но основное внимание эмигрантской критики было приковано к творчеству маститых прозаиков: Бунина, Мережковского, Шмелева, Ремизова, Зайцева и др. (при забвении шумевших в Серебряном веке поэтов К.Д. Бальмонта и Игоря Северянина).

Одним из первых проявлений противоположной тенденции стала написанная по-английски статья Д.П. Святополк-Мирского «Русская литература после 1917 года» (1922). Он не делал различия между оставшимися в России и уехавшими писателями. Для него в современной прозе «подлинный царствующий принц русского художественного слова — Алексей Ремизов», «последователь Гоголя, Лескова и Достоевского», испытывший

«влияние современного стиля и способа выражения». Величайшим из поэтов XX в. назван Блок, на второе место после него поставлена Ахматова. Святополк-Мирский заключал, что «дух русской нации оказался сильнее враждебных сил. Русская литература после 1917 года дала урок благородной, терпеливой и мужественной отваги» [Святополк-Мирский, 1990, с. 128, 129, 131]. Через два года М.Л. Слоним уже отдавал всемерное предпочтение литературе советской России перед эмигрантской [Слоним, 1990, с. 382 – 386]. В 1933 г. он выпустил в Париже книгу «Портреты советских писателей» с очерками творчества С.А. Есенина, В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, Е.И. Замятина, Вс.В. Иванова, П.С. Романова, А.Н. Толстого, М.М. Зощенко, И.Г. Эренбурга, К.А. Федина, Б.А. Пильняка, И.Э. Бабеля, Л.М. Леонова (набор имен, резко отличающийся от того, который будет в «Литературном критике» в 1937 г.), с предпочтением Пастернака остальным оставшимся в живых и печатавшимся поэтам. Р.О. Якобсон сразу после самоубийства своего друга Маяковского (1930) написал глубокую и эмоциональную статью о нем и «о поколении, растратившем своих поэтов» [Якобсон 1999, с. 205–225].

Вторая мировая война принесла русской эмиграции новое рассеяние. И так постепенно терявшая свою базу литература надолго оказалась бесприютной и раздробленной. Тут было не до укрепления позиций критики. В Советском Союзе тоже закрылся ряд периодических изданий, и без того немногочисленных, многие критики были мобилизованы, некоторые погибли. Но дышать стало посвободнее. Теперь за любовь к родине реабилитировали, хоть и ненадолго, прежнего «мещанского кумира» Есенина, одобрялись, однако отнюдь не выдвигались на первый или даже второй план патриотические стихи Ахматовой, военные рассказы Платонова. Больше всего прославлялись декларативная пьеса А.Е. Корнейчука «Фронт» (1942), заказанная Сталиным с целью свалить собственные стратегические и тактические ошибки на «отсталых» генералов, довольно сильная лирика К.М. Симонова, его же посредственная повесть «Дни и ночи» (1943–1944) и художественно слабая пьеса «Русские люди» (1942); одобрялись повести В.С. Гроссмана «Народ бессмертен» (1942), А.А. Бека «Волоколамское шоссе» (1943 – 1944), В.Л. Василевской «Радуга» (1942), поэмы М.И. Алигер «Зоя» (1942), Н.С. Тихонова «Киров с нами» (1941), П.Г. Антокольского «Сын» (1943) – литература более или менее добротная, но не великая¹.

¹ «Василий Теркин» Твардовского уже в марте 1943 г. выдвигался на Сталинскую премию, но был отклонен в правительстве. Его критиковали (в частности, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств М.Б. Храпченко) за недостаточную «советскость» образа героя и изображения войны. Но в апреле 1945 г. тринадцатью голосами членов Комитета по Сталинским премиям против девяти Твардовскому все же была присуждена премия первой степени [Перхин, 2007, с. 48 – 51].

С конца 1943 г. возобновились проработки. До завершения войны им подверглись психологическая повесть М.М. Зощенко «Перед восходом солнца», правдивые воспоминания К.А. Федина «Горький среди нас» (т.е. группы «Серапионовы братья» — а ведь все существовавшие литературные группировки в 1937 г. были объявлены контрреволюционными!), антитоталитаристская пьеса Е.Л. Шварца «Дракон», повесть «Победа» и киноповесть «Украина в огне» А.П. Довженко, некоторые стихи И.Л. Сельвинского, О.Ф. Бергольц, В.М. Инбер.

Тем не менее первый послевоенный год пробуждал надежды на оздоровление атмосферы в советском обществе. Критики и литературоведы ставили масштабные задачи, одобряли творчество тех, кто этого заслуживал [Поспелов, 1967, с. 81 — 82, 88].

Но с наступлением холодной войны началось закручивание идеологических гаек. Оно усугублялось соперничеством двух главных коммунистических идеологов — секретарей ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова и А.А. Жданова. Первый метил в окружение последнего из числа ленинградцев. По его инициативе 14 августа 1946 г. было принято погромное постановление ЦК «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», содержащее грубую брань в адрес Зощенко, Ахматовой и некоторых других писателей, виноватых главным образом в том, что были ленинградцами, а также упреки руководителям Ленинграда как недоглядевшим. Жданов тут же выступил в Ленинграде с «разъясняющим» его докладом, уничтожая только писателей и тем косвенно выгораживая своих людей (их он едва упомянул). За постановлением о журналах последовала целая серия постановлений по разным видам искусства. Началась идеологическая свистопляска, уронившая литературу и критику послевоенного десятилетия до предельно низкого уровня. Практически все свежее и талантливое подвергалось остракизму. Самый конъюнктурный из советских критиков В.В. Ермилов, бывший рапповец, в 1947 г. окончательно вышиб из литературы Платонова, придравшись к его рассказу «Семья Иванова» как якобы безнравственному. Пастернак и Сельвинский ходили в индивидуалистах. Под воздействием критики, в том числе в печатных органах ЦК ВКП (б), были вынуждены переделывать свои новые романы В.С. Гроссман, В.П. Катаев и даже генеральный секретарь правления Союза советских писателей А.А. Фадеев: первый вариант его «Молодой гвардии» (1946) показался недостаточно идеологически выдержанным.

Критика превозносила тяжелейшую послевоенную жизнь и соответственно ориентировала литературу. «Социалистический реализм» утратил всякие признаки реализма, превратился в откровенный нормативизм и идеализацию. Тема Великой Отечественной войны вскоре ушла из литературы и кино (ее трудно было «отлакировать») и вернулась только в 1955 г. [Бочаров, 1978, с. 15]. Превозносились надуман-

ные, искусственные, декларативные романы, пьесы, поэмы. Из лирики была вытеснена человеческая личность, ей надлежало воспевать производственные достижения. Вся западная литература объявлялась упадочной, лучшие зарубежные писатели глумливо высмеивались.

Методология критики вновь изменилась: соединились принципы классовости 20-х гг. и народности второй половины 30-х — первой половины 40-х. Русский народ провозглашался особо талантливым, доказательством чего служило то, что он совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Другие народы СССР и социалистического лагеря, даже древнейшие, выступали в роли его младших братьев. В конце 40-х гг. жупелом стал «космополитизм». За будто бы националистический уклон шельмовались украинские, среднеазиатские писатели; особенно длительной и озлобленной была антисемитская кампания (в данном случае слово «космополит» замещало обозначение национальности), ничего подобного которой не могли вообразить старые большевики, впрочем, в массе своей репрессированные еще в 1936—1938 гг.

Смерть Сталина (1953) предотвратила готовившуюся новую волну репрессий. Литература понемногу стала оживать. На Втором съезде писателей (декабрь 1954 г.) звучали смелые голоса, отвергались наиболее одиозные догмы. А в феврале 1956 г. грянул XX съезд КПСС с закрытым докладом Н.С. Хрущева о культе личности Сталина, ни для кого не оставшимся секретом. Литература забурилась. Появился ряд антидогматичных произведений. Это напугало непоследовательного и малокультурного Первого секретаря ЦК КПСС. При его непосредственном участии были раскритикованы повесть И.Г. Эренбурга «Оттепель», появившаяся еще в 1954 г. и давшая неофициальное название всей наступившей постсталинской эпохе, и напечатанные вскоре после XX съезда произведения: роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказы Д.А. Гранина «Собственное мнение» и А.Я. Яшина «Рычаги», поэма С.И. Кирсанова «Семь дней недели» и др. В 1958 г. совершенно в духе сталинских времен прошло шельмование второго в русской литературе лауреата Нобелевской премии Б.Л. Пастернака. В общем заткнули рот и относительно независимой критике. Но остановить «оттепель» сразу было нельзя, да Хрущев принимал и меры, прямо противоположные охранительным, относительно демократизацию все-таки проводил.

60-е гг. принесли углубление этого процесса. После полета советского человека в космос Хрущев уверовал в то, что СССР далеко ушел от прежних времен, на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. обещал построить материально-техническую базу коммунизма всего через двадцать лет и в восторге от собственной смелости уже открыто раскритиковал Сталина. Это породило целое духовное течение, называемое «шести-

десятиничеством». Слово «шестидесятники» первым применил к молодым прозаикам и их героям-современникам критик С.Б. Рассадин в 1960 г. [Рассадин, 1960, с. 58–62]. Но главным содержанием «шестидесятиничества» стал антисталинизм. Он сопровождался вообще некоторым недоверием к «начальству», но на основы бюрократического строя посяганий не было, на революционные идеалы тоже, Ленин как интеллектуальное и нравственное совершенство противопоставлялся Сталину, идеалом гражданской жизни была некоторая демократизация социализма, идеалом художественным — «правда» (в рамках «шестидесятинических» представлений) и реализм «без определения», как среди своих выражался Твардовский, давно понявший, что наличный «социалистический реализм» к реализму отношения не имеет.

А.Т. Твардовский с 1958 г. вторично возглавлял журнал «Новый мир». Первое редакторство пришлось на 1950 — 1954 гг. и закончилось отставкой в связи с публикацией ряда антидогматических критических статей (В.М. Померанцева, М.А. Щеглова, Ф.А. Абрамова и М.А. Лифшица). В 60-е гг. журнал Твардовского стал главным прибежищем для талантливых писателей и критиков. Именно здесь дебютировал и до начала 1966 г. печатал свои рассказы А.И. Солженицын. Раньше 1962 г. «Один день Ивана Денисовича» и не мог быть опубликован.

Подписчики «Нового мира» первым делом набрасывались даже не на прозу (Солженицын, конечно, исключение), а на живую публицистическую критику. В ней сливались воедино этический и эстетический подходы к литературе, как было у предшественника «новомирцев» 60-х гг. М.А. Щеглова, талантливого критика, умершего тридцатилетним в 1956 г. В.Я. Лакшин, И.И. Виноградов, С.Б. Рассадин, А.Д. Синявский, Н.И. Ильина, Ю.Г. Буртин, И.Б. Роднянская и другие, по большей части молодые критики, не имевшие груза старых догм за плечами, блестяще разбирали литературные произведения, связывая их с насущными проблемами современной жизни, раскрывали своеобразие подлинных талантов, в комическом свете представляли серость и бездарность, которых было очень много в советской литературе. Строги, порой даже придирчивы были «новомирцы» и к объективно близким им писателям. Спрос был по высшему счету [Биуль-Зедгинидзе, 1996].

На противоположном полюсе стоял журнал «Октябрь» во главе с писателем рабочей темы В.А. Кочетовым [Марченко, 1988, с. 43–48; Добренко, 1995, с. 27–55]. Там окопались сталинисты, которые до отставки Хрущева несколько вуалировали свои политические симпатии, а после того, как в октябре 1964 г. неосторожный, самонадеянный Первый секретарь и Председатель Совета Министров был свергнут своим ближайшим окружением, заявили о них более определенно. Для кочетовцев «шестидесятиничество» означало покушение на основы социализма. История СССР им казалась почти сплошным триумфальным шествием.

В «Октябре» и примыкавшем к нему «Знамени» не было одаренных критиков, но у них было много сторонников, выступавших в других органах печати. «Новый мир» вел неравную борьбу (большинство статей в нем содержало полемику). Это становилось все труднее по мере того, как новое руководство страны отходило от политики «оттепельных» времен и исподволь реабилитировало Сталина. Журнал Твардовского, проводивший партийную линию XX и XXII съездов, превращался в орган оппозиционный. Официальная критика занимала как бы среднее положение между линиями «Нового мира» и «Октября» («центристом» был и всеми уважаемый критик А.Н. Макаров, не примыкавший ни к каким направлениям), крайности не импонировали новым политическим властям, но препятствия они чинили главным образом «Новому миру». К тому же «новомирцы» восстановили против себя бездарных, но влиятельных в писательском союзе людей: рецензии журнал Твардовского печатал зачастую отрицательные. После «пражской весны» 1968 г., пресеченной советскими танками, ужесточилась общая идеологическая политика. В феврале 1970 г. редколлегия «Нового мира» была разогнана, Твардовский написал заявление об уходе. «Шестидесятничество» лишилось трибуны и надолго как бы замерло.

Во второй половине 60-х гг. сложилось еще одно журнально-литературное направление — национально-патриотическое. Оно усвоило уроки «народности» и «государственничества» первого послевоенного десятилетия, однако смягчило классовый и политический аспекты, единство русской нации стало предпочитать революции и вообще разъединению людей. В плане плодотворного сотрудничества разных сословий внимание критиков этого направления, прежде всего В.А. Чалмаева, привлек Серебряный век, для официального литературоведения слишком модернистский и тем подозрительный. Даже о религии теперь было сказано доброе слово. Другой критик, М.П. Лобанов, был озабочен влиянием западной цивилизации на наше «просвещенное мещанство» (буржуазный Запад осуждался еще решительнее, чем в официальной пропаганде). Статьи с этими непривычными идеями были напечатаны в конце 60-х гг. в журнале «Молодая гвардия». Новое почвенничество дружно осудили даже противоборствующие литературные издания, в декабре 1970 г. вопрос о нем рассматривался высоким партийным руководством, это стоило поста главного редактора «Молодой гвардии» А.В. Никонову [Лобанов, 1991, с. 99–121]. В.А. Чалмаев отошел от своего радикализма, но число единомышленников М.П. Лобанова стало расти. Линия «Молодой гвардии» 60-х гг. перешла в журнал «Наш современник», возглавлявшийся с 1969 г. поэтом С.В. Викуловым. Он стал поддерживать прежде всего «деревенскую прозу» и до некоторой степени параллельную ей «тихую лирику». А главным редактором «Молодой гвардии» в 1972 г. стал прозаик

А.С. Иванов, сохранивший ее национально-патриотическую ориентацию, но скорее в духе первого послевоенного десятилетия, совместив линии «Молодой гвардии» 60-х и кочетовского «Октября». В этих двух разновидностях, не противопоставляемых друг другу, национально-патриотическое направление с некоторыми модификациями существует поныне.

Активная деятельность многих советских критиков зачастую продолжалась не больше десятилетия. В эмиграции же критики нередко жили долго. В 50-е, 60-е, 70-е гг. по-прежнему печатали статьи и книги Г.В. Адамович, В.В. Вейдле, Ф.А. Степун, Н.А. Оцуп и др. Они продолжали осмысление судеб писателей в эмиграции и в СССР, начатое в 30-е гг. такими авторами, как Р.О. Якобсон, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева. Например, Адамович в 1954 г. с грустью констатировал, что надежды старшего поколения эмигрантов не сбылись, что старая Россия исчезла безвозвратно, но признал очень значительным вклад эмиграции в мировую культуру. «Одиночество» людей без родины в западном мире стало их трагедией, но свобода, которой не было в СССР, явилась их большим преимуществом. Старый критик все-таки верил в будущее соединение двух ветвей одной литературы [Адамович, 1993, с. 7–26].

70-е гг. дали третью волну эмиграции из СССР (вторая была связана с войной, к ней относятся литературоведы В.Ф. Марков, Л.Д. Ржевский). Она принесла на Запад таких своеобразных критиков-эссеистов, как Абрам Терц (А.Д. Синявский), Петр Вайль и Александр Генис. В критике зарубежья выступали и потомки первых эмигрантов, например Н.А. Струве. И у ранних, и у поздних эмигрантов критика редко представляла в чистом виде, была синкретичной: объединяла особенности собственно критики, научного литературоведения, публицистики, философии, мемуаристики, художественного творчества.

А в Советском Союзе в 70-е — начале 80-х гг. созревали не окончательно загубленные плоды 60-х. Общественный застой не стал художественным застоєм. Литература в целом окрепла, появилось много достойных произведений, и отношение к ним властей стало мягче или гибче. Писателей-диссидентов не рекламировали критикой, а сажали и высылали из страны. Шумное исключение было одно — шельмование Солженицына перед его высылкой в 1974 г., напомнившее о худших сталинских временах. Лауреатами премий становились представители замечательной военной и «деревенской» прозы, поэты-публицисты, которые были хрущевскими мальчиками для битья. В 60-е гг. повести белорусского писателя Василя Быкова осуждались за излишний трагизм в изображении Отечественной войны и небарабанную, скромную героику, а в 1974 г. две его повести были отмечены Государственной премией СССР (в начале перестройки, в 1986 г., он стал и лауреатом

высшей — Ленинской — премии); в 1980 г. Ленинскую премию получил острокритический роман Нодара Думбадзе «Закон вечности». Это гарантировало и хорошую прессу.

Правда, Н.М. Рубцова, А.В. Вампилова, В.М. Шукшина, Ю.В. Трифонова в полной мере оценили уже посмертно, а больше всего наград получали бездарные, но идейно выдержанные литературные начальники — секретари правления Союза писателей СССР и руководящих органов различных его отделений. Однако «секретарская литература» встречала поддержку главным образом в «секретарской» же критике. Даже вошло в обыкновение перечислять списком или парами подлинно талантливых писателей и угодных властям функционеров. Но серьезная критика писала лишь о серьезных писателях. Только в сложную, идеологически опасную проблематику ей было нельзя глубоко проникать да выдавать слишком много отрицательных рецензий. В отличие от практики «Нового мира» 60-х гг. такие рецензии почти исчезли. Брежневскому режиму нужна была по возможности благостная картина литературы. За идеологические провинности (неклассовый подход, какой-нибудь идеализм) время от времени кого-либо побивали, обычно писателей и критиков круга «Нашего современника», но полного изгнания из литературы, тем более лишения средств к существованию это не означало. Давние грехи были отпущены. Еще в 1968 г. переиздали, словно в пику снятому Хрущеву, «ревизионистский» роман Дудинцева «Не хлебом единым». В начале 80-х, после смерти В.С. Высоцкого, даже об этом совершенно не допускавшемся в печать при жизни поэте было дозволено что-то хорошее сказать для широкой публики.

«Перестройка» в литературе и критике [Кормилов, 2002, с. 163—184; Менцель, 2006] началась не сразу после избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС (март 1985 г.), а в конце 1986 г. — главным образом с публикации журналом «Знамя» «задержанного» в 60-е гг. романа А.А. Бека «Новое назначение» и вступительной заметки к этой публикации нового главного редактора «Знамени» Г.Я. Бакланова. Вновь были разрешены тема «культы личности Сталина» и критика сталинизма. «Шестидесятники» воспряли. В 1987 — 1988 гг. ими на ура принимается любое антисталинское произведение, «задержанное» или новое, независимо от наличия или отсутствия художественных достоинств и глубины анализа. Приветствуются и публикации «задержанных» произведений другой тематики и разных лет, а также эмигрантской литературы. Национально-патриотический лагерь общественные преобразования и цензурные послабления встретил настороженно, его представители тут же пустили в ход выражения «набоковщина» и «литературное некрофильство». И в «возвращенной» литературе внимание обращалось на разное. Так, в «Собаьем сердце» М.А. Булгакова сторонники демократических преобразова-

ний выделяли образ люмпена Шарикова, терроризирующего интеллигентов, которые сделали его человекоподобным существом. Для национал-патриотов с этой собаки нечего взять, а подлинно отрицательный герой — Швондер, который науськивает Шарикова на Преображенского. Патриотическая поэтесса Т.М. Глушкова упрекнула в индивидуализме и Булгакова, и, конечно, Мандельштама, Пастернака, Цветаеву.

Идеолог национально-патриотического направления В.В. Кожин в статье о нашумевшем романе А.Н. Рыбакова «Дети Арбата» [Кожин, 1988, с. 160 — 175] справедливо указал на то, что наивно связывать репрессии, которые были отнюдь не только в 1937—1938 гг., лишь с характером Сталина. Их исток — в революционной идеологии и практике вообще. Однако критик объявил таковые органически не присущими русскому народу, а значит, привнесенными в его жизнь враждебными посторонними силами (разумеется, космополитическими).

Критики демократической ориентации пока не высказывали антиреволюционных суждений (КПСС еще была правящей партией). Бывший «новомирец» Ю.Г. Буртин в статье «"Реальная критика" вчера и сегодня» («Новый мир», 1987, № 6) предложил обратиться к принципам «реальной критики» Добролюбова с идеалом демократизации, но не встретил поддержки даже у товарищей-«шестидесятников». Л.А. Аннинский в самом начале 1988 г. задал вопрос: а когда демократия торжествует — кому будет нужен «новый Добролюбов»? [Критика-87 ... 1988, с. 3]. Одновременно Игорь Виноградов — как и Буртин, «новомирец» 60-х, но прошедший путь от «шестидесятничества» к соединению западничества и христианства, допускающему широчайший плюрализм мнений, — заявил, что нам нужны «свои Дружинины и Антоновичи, Григорьевы и Писаревы, Страховы и Михайловские, Бердяевы и Розановы. И Добролюбов, разумеется, тоже. Но — не как монополист какого-то критического метода, а именно как своеобразный и крупный представитель очень цельного и серьезного мировоззрения, каким он прежде всего и был... В этом — настойчивая потребность времени, пока что никак почти, увы, не удовлетворяемая» [Виноградов, 1988, с. 93]. Так действительно и было. Вот почему и «правые» и «левые» приняли в штыки статью А.Н. Латыниной «Колокольный звон — не молитва» («Новый мир», 1988, № 8), где были раскрыты полемические крайности тех и других и впервые всерьез выдвигался идеал либерализма, противоположный идеалу революционности.

В 1-м номере журнала «Иностранная литература» (пока именно этого!) за 1988 г. было дано слово представителям третьей волны эмиграции. Последними на страницы советской печати были допущены произведения Солженицына — во второй половине 1989 г. Воссоединение двух ветвей русской литературы совершилось.

К концу 1989 г. критика полностью отвергла понятие «социалистический реализм», даже не посчитавшись с тем, что за ним стоит определенная историко-литературная реальность.

Фундаментальная «перестройка» общественного сознания была проведена литературой, критикой и публицистикой практически всего за три года.

Литература и критика после 1991 г. — это, по сути, уже литературный XXI в., как 1890-е гг. были литературным XX в. В «Знамени» П.Л. Вайль признал даже досрочное наступление исторического XXI в., а в литературе — «смерть героя», т.е. конец ее служения обществу в качестве чуть ли не всех духовно-интеллектуальных сфер разом. Теперь литература — частное дело, человек — частный человек, и это для него благо [Вайль, 1992, с. 223–233].

Литературная практика 90-х — 2000-х гг. во многом подтверждает выводы критика-эмигранта. Но нет ли альтернатив? Еще в 1990 г. Алла Латынина в статье «Не мешайте коню сбросить всадника!» отрицательно отреагировала на противопоставление общественных групп, представляющих линию А.Д. Сахарова (первенство прав человека, личности) и линию А.И. Солженицына (первенство национально-государственных интересов). «*Но поставим вопрос так: возможно ли брать что-то у Солженицына, что-то у Сахарова?*

Отвечу: и возможно, и нравственно» [Латынина, 1991, с. 325]¹.

Однако относительный «мир» в литературе 1990-х гг. наступил не в результате какой-либо договоренности. Коренным образом изменилась общественная и литературная ситуация [Менцель, 2006, с. 31–47], на первый план вышли собственно эстетические задачи, вместо больших направлений появилось множество всевозможных группок и совершенно самостоятельных индивидуальностей — возникло даже впечатление исчезновения литературного процесса как такового [Голубков, 2006, с. 29–36]². Соответственно сменила свой облик литературная критика.

¹ На уровне литературоведческих понятий в том же 1990 г. идею синтеза выдвигал В.Н. Турбин в статье «Прощай, эпос?»: «*Я твержу, твержу и буду твердить, что жили мы... в эпосе. Что мы все были рьяно вовлечены в процесс построения эпического государства и что нами двигала именно эстетика эпоса. <...> Расставаться с ним трудно, и понятна по нему ностальгия. Но пойдем же: эпос исчерпал себя. <...> Прощай, эпос? Жаль, если было бы так: эпос начисто отвергал роман, но роман не должен платить ему той же мерой. Дать симфонию, синтез романного и эпического мышления, гармонизировать их — такова, вероятно, задача*» [Турбин, 1990, с. 38, 42].

² Этот вопрос — «Есть ли сейчас литературный процесс?», — поставленный М.М. Голубковым в 2006 г., уже как ответ фигурировал в критике на полтора десятилетия раньше. А.С. Немзер вспоминал о своих впечатлениях от литературной периодики за 1991 г.: «*Шли толки о конце литературоцентризма. Кто-то печалился, а кто-то радовался в связи с «исчезновением литературного процесса». <...> За год-другой ситуация в какой-то мере выправилась. Толки*

Литература

1. *Адамович Г.* Одиночество и свобода : литературно-критические статьи. СПб., 1993.
2. *Адамович Г.* Литература в СССР // *Георгий Адамович.* Критическая проза. М., 1996.
3. *Биуль-Зедгинидзе Н.* Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958-1970 гг.). М., 1996.
4. *Бочаров А.* Человек и война : идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. 2-е изд., доп. М., 1978.
5. *Булгаков М.* Письма: Жизнеописание в документах. М., 1989.
6. *Бухарин Н.* Революция и культура : статьи и выступления 1923-1936 годов. М., 1993.
7. *Вайль П.* Смерть героя // Знамя. 1992. № 11.
8. *Виноградов И.* Перед лицом неба и земли // Литературная учеба. 1989. № 1.
9. *Голубков М.М.* Есть ли сейчас литературный процесс? // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения : материалы Второй Междунар. науч. конф. М., 2006.
10. *Голубков М.М.* История русской литературной критики XX века (1920-1990-е годы). М., 2008.
11. *Дементьев А.* На Первом съезде писателей : по страницам стенографического отчета // Новый мир. 1966. № 10.
12. *Добренко Е.* Уроки «Октября» // Вопросы литературы. 1995. № 2.
13. *Казанджан Э.* Глазами библиофила // Вопросы литературы. 2008. № 4.
14. *Кожин В.* Правда и истина // Наш современник. 1988. № 4.
15. *Кормилов С.И.* Поляризация литературно-критических позиций и российское общественное сознание на рубеже 1980-х–1990-х годов // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра истории русской литературы XX века. Кафедральные записки : вопросы новой и новейшей русской литературы. М., 2002.
16. Критика-87: мнения и сомнения // Литературная газета. 1988. 27 января.
17. *Латынина А.* За открытым шлагбаумом : литературная ситуация конца 80-х. М., 1991.
18. *Лобанов М.П.* Пути преображения: литературные заметки. М., 1991.
19. *Марченко А.* В расчете на память или беспамятство? // Искусство кино. 1988. № 2.
20. *Менцель Б.* Гражданская война слов: Российская литературная критика периода перестройки / пер. с нем. Г.В. Снежинской. СПб., 2006.
21. *Немзер А.* Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998.

о «конце» не прекратились, а стали мирно соседствовать с аналитической информацией. «Процесс» по-прежнему считается исчезнувшим (то ли к счастью, то ли к горести), но это никому не мешает описывать взаимодействие литературных фактов, тактично опуская о-очень страшное советско-кафкианское слово» [Немзер, 1998, с. 5, 6].

22. О перестройке литературно-художественных организаций : Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. // Русская советская литературная критика (1917–1934): Хрестоматия / Сост. проф. П.Ф. Юшин. М., 1981.
23. *Переверзев В.Ф.* Из статьи «На фронтах текущей беллетристики» // Русская советская литературная критика (1917–1934) : хрестоматия / сост. проф. П.Ф. Юшин. М., 1981.
24. *Перхин В.В.* М.Б. Храпченко и деятели русского искусства (апрель 1939 — январь 1948) // Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств. Апрель 1939 — январь 1948 : свод писем / издание подготовил В.В. Перхин. М., 2007.
25. *Платонов А.* Размышления читателя. М., 1980.
26. *Полонский Вяч.* О Маяковском // *Вяч. Полонский.* О литературе : избранные работы. М., 1988.
27. *Поспелов Г.Н.* Методологическое развитие советского литературоведения // Советское литературоведение за пятьдесят лет : сб. ст. / под ред. В.И. Кулешова. М., 1967.
28. *Рассадин С.* Шестидесятники: книги о молодом современнике // Юность. 1960. № 12.
29. *Святополк-Мирский Д.П.* Литературно-критические статьи (вступительная статья и примечания В.В. Перхина) // Русская литература. 1990. № 4.
30. *Слоним М.* Живая литература и мертвые критики // Литература русского зарубежья : антология в 6 т. Т. 1. Кн. 2. М., 1990.
31. *Соколов Б.* Кто вы, доктор Живаго? М., 2006.
32. *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991.
33. *Турбин В.* Прощай, эпос? Опыт эстетического осмысления прожитых нами лет. М., 1990.
34. *Тынянов Ю.Н.* Литературное сегодня // *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
35. *Ходасевич В.* Литература в изгнании // *Владислав Ходасевич.* Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 1996.
36. *Эвентов И.* На Первом Всесоюзном съезде советских писателей // *Эвентов И.* Давние встречи: Воспоминания и очерки. Л., 1991.
37. *Якобсон Р.О.* О поколении, растратившем своих поэтов // Хрестоматия критических материалов : русская литература рубежа XIX–XX веков / Сост., авторы статей Л.Ю. Алиева, Т.В. Торкунова. М., 1999.